

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Современное состояние уголовно-правовой политики, динамичное развитие административного права в сфере установления ответственности за совершенное правонарушение¹ во многом определяют и поддерживают на должном уровне актуальность разрешения задачи о соотношении преступлений и административных правонарушений.

Сам термин «соотношение» в русском языке означает «взаимное отношение, содержание или зависимость, связь, сравнительные качества; расположение друг к другу. ... Несоизмеримости не могут и соотноситься» [1, с. 128]. То есть «соотносить» можно только те явления и предметы, которые имеют качественно однородную составляющую. По этому поводу совершенно справедливо в литературе [2, с. 4] подчеркивается, что и преступления, и административные правонарушения представляют собой антипод правомерного поведения, относятся к наиболее общей категории – «правонарушение» - и обладают родовым сходством. Поэтому рассмотрение вопроса о сущности преступления и административного правонарушения - необходимая предпосылка для разрешения задачи о соотношении указанных видов правонарушений.

Точно и полно понять явление можно только тогда, когда установлена его сущность. В философии под сущностью явления понимается «совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития материальной системы» [3, с. 444]. Значит, сущность любого правонарушения выражает общие закономерности его развития, то есть возникновения, существования, и прекращения существования правонарушения, в ней представлены основные, главные черты, свойства правонарушений. В отличие от сущности, в признаках правонарушений проявляются только специфические закономерности, сами по себе они не дают общего представление о сущности правонарушения.

Понятие «правонарушение» - одна из наиболее сложных и глубоких правовых абстракций, характеризующих правовую форму общественной жизни в целом. С позиций общей теории права сущность правонарушений определяется неоднозначно. Существует множество определений правонарушения, приведем некоторые из них.

Так, В.С. Нерсесянц под правонарушением понимает «неправомерное (противоправное), общественно вредное, виновное деяние (действие или бездействие) деликтоспособного субъекта, за которое в действующем праве предусмотрена юридическая ответственность» [4, с. 517].

Схожее определение дает В.М. Сырых, по мнению которого под правонарушением следует понимать «социально вредное, виновное, противоправное деяние деликтоспособного лица» [5, с. 387].

Н.И. Матузов определяет правонарушение как «противоправное, виновное, наказуемое, общественно опасное деяние вменяемого лица, причиняющее вред интересам государства, общества и граждан» [6, с. 433].

По мнению И.С. Самощенко правонарушение это «виновное противоправное деяние участников общественных отношений» [7, с. 7].

«Правонарушение – это общественно опасное, виновное, противоправное деяние, наносящее вред личности, собственности, государству или обществу в целом» - пишет В.К. Бабаев [8, с. 485].

В.М. Корельский определяет правонарушение как «общественно вредное виновное деяние дееспособного субъекта, противоречащее требованиям правовых норм» [9, с. 424].

«Правонарушение – это противоправное, виновное, общественно-вредное деяние, за которое законом предусмотрена юридическая ответственность» - считает В.В. Лазарев [10, с. 114].

По мнению М.Н. Марченко, правонарушение представляет собой виновное, противоправное, наносящее вред обществу деяние правдееспособного лица или лиц, влекущее за собой юридическую ответственность [11, с. 700].

Н.С. Малейн писал, что «правонарушение – это антисоциальное (общественно опасное, вредное), противоправное деяние, влекущее юридическую ответственность» [12, с. 18].

Из приведенных определений видно, что вариация признаков характеризующих правонарушение, у различных авторов определяется неодинаково, что только затрудняет познание сущности правонарушений. Сущность явления рассматривается, как правило, поверхностно или опосредованно, через его признаки, теория правонарушения развита слабо, нет целостной концепции правонарушения [13, с. 48]. Однако большинство ученых отмечают в сущностной характеристике правонарушения социальный признак (общественная вредность, общественная опасность, социальная вредность и т.д.), определяющий необходимость при-

* © Ю.А. Яницкий, Красноярский государственный университет, 2006.

¹ В последнее время широкое распространение получила точка зрения о выделении из административного права в качестве самостоятельной отрасли - административно-деликтного права. См., например: Административное и административно-процессуальное право. - М., 2004; Попов Л.Л. Административно-деликтное право. - М., 2005; Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. - 1994. - №3; Севрюгин В.Е. Теоретические проблемы административного проступка. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. - М., 1994.

влечения индивида к юридической ответственности, а также правовой (противоправность), отражающий предусмотренность совершенного деяния в норме права. Данные теоретические предпосылки служат методологической основой, характеризующей сущность любого правонарушения.

По мнению А.А. Иванова, «принято выделять социальную и юридическую сущность правонарушений», при этом «социальные свойства правонарушений заключаются ... в том, что они наносят непосредственный ущерб жизни, собственности, порядку управления или несут угрозу такого ущерба ..., влияют на моральную обстановку в обществе. Правовая сущность правонарушения заключается в его признаках» [14, с. 10]. Автор попытался объединить в сущностной характеристике правонарушения социальную и правовую составляющие, что похвально, однако сущность явления может быть только одна, это тот уровень и смысл законов реальной действительности, который мы смогли достичь в процессе познания.

Особенно интенсивно в научной литературе исследовался вопрос о сущности преступного деяния. Учитывая то, что сущность явления наиболее устойчива в своем содержании, подходы к определению сущности преступления также сосредоточены на социальной стороне явления – общественной опасности деяния [15, с. 15]. Очевидно, срабатывает следующая логика рассуждений. Раз преступлением признается общественно опасное деяние, то сущностью преступления и служит эта общественная опасность. В связи с чем некоторые авторы, ведя речь о сущности преступного деяния, говорят о сущности общественной опасности, отмечая ее свойство «причинять ущерб общественным отношениям» [16, с. 88].

Пытаясь объединить указанные позиции, соотнести их как определенные уровни познания сущности, А.И. Марцев отмечает: «... преступление производит определенные изменения в социальной действительности. С точки зрения общественных интересов – это отрицательные изменения, которые следует рассматривать как первичные последствия преступного поведения или преступной деятельности. Преступление как единичное социальное явление в сочетании с другими преступлениями таит в себе угрозу качественного изменения условий существования общества. В этом выражается вторичное последствие преступного поведения или преступной деятельности. ... причинение вреда охраняемым уголовным законом объектам есть еще не общественная опасность, а только ее предпосылка» [17, с. 148]. То есть сущность преступления, по мнению А.И. Марцева, все также заключается в его общественной опасности, отличие же от вышеобозначенных точек зрения выражается в многоуровневом понимании категории «общественная опасность деяния», где причинение ущерба в результате совершенного преступления конкретное общественное отношение лишь определенная предпосылка качественного изменения условий существования социума.

Попытки разграничения фактической вредности и общественной опасности для господствующей системы общественных отношений как отдельных сторон познания явления преступления предпринимались и ранее. Так, рассматривая преступление как социальное явление, А.Д. Горбуза, Е.А. Сухарев приходят к выводу, что «преступление обладает социальными качествами двоякого рода: во-первых, качеством предметной, т.е. материальной, естественной, фактической вредности; во-вторых, качеством общественной опасности» [18, с. 10]. В итоге авторы приходят к известному науке уголовному праву выводу – противоправность есть форма выражения общественной опасности, а сущность преступления заключается в опасности деяния для системы общественных отношений [18, с. 20].

В.С. Прохоров также видит сущность преступления в нарушении общественных отношений. Так, он отмечает: «Сущность преступного посягательства на охраняемые уголовным законом социалистические общественные отношения заключается в их нарушении, то есть в причинении им ущерба» [19, с. 29]. Критикуя данную позицию, А.И. Марцев справедливо отмечает, что «сущностью преступления не может быть ни само посягательство, ни просто причинение вреда общественным отношениям, так как эти характеристики преступления не выделяют ничего специфического в данном виде правонарушения» [20, с. 30].

Результатом наметившейся тенденции – преобладании в сущностной характеристике деяния социальной составляющей над правовой, стало занижение роли признака противоправности, рассмотрение его в качестве нормативного [21, с. 91] (юридического) [22, с. 160] выражения сущности преступления, «формального элемента понятия преступления» [23, с. 22], логического следствия признака общественной опасности.

В первой половине XX века наука уголовного права при исследовании понятия преступления стремилась прежде всего обосновать и разработать классовую сущность преступления, показать его коренные отличия от преступлений в буржуазном обществе. При этом под материальной сущностью преступления понималась его общественная опасность для существующего режима, которая, в свою очередь, рассматривалась как классовая опасность. Принятие в 1958 году Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик обусловило новый виток в развитии понятия преступления. Указанные новшества отразились в принципе «нет преступления без указания на то в законе», закреплении формально-материального определения понятия преступления.

Более предпочтительной представляется позиция О.Ф. Шишова, отмечавшего: «Материальное определение понятия преступления, раскрывая природу преступления как деяния общественно опасного, вместе с тем теснейшим образом сочетается с противоправностью данного деяния, как запрещенного уголовным законом. В социалистическом уголовном праве понятие преступления основывается на органическом единстве нормативных и материальных признаков» [24, с. 7]. Этой же позиции придерживается Н.Ф. Кузнецова:

«Уголовная противоправность в такой же мере важна для сущности преступления, как и общественная опасность» [25, с. 107]. Данные авторы совершенно справедливо подчеркивали взаимосвязь общественной опасности и противоправности, анализируя сущностную характеристику понятия преступления.

В юридической литературе в вопросе о соотношении формального и материального применительно к категории преступления встречаются и иные точки зрения. Так, на общем фоне критики всего советского предпринимались попытки отказаться от материальной составляющей понятия преступления – общественной опасности. В одних случаях ссылка на общественную опасность определялась как идеологический штамп [26, с. 19], в других – конъюнктурной, вытекающей якобы из потребностей усиления уголовной репрессии [27, с. 108]. Так, Т.Г. Понятовская, анализируя общественную опасность деяния, отмечает, что данный признак является «своеобразным средством юридического оформления репрессивной политики» [27, с. 109]. Совершенно справедливо критикуя указанную позицию, А.П. Козлов пишет: «... любое государство строит право под себя, под свое понимание мира и своего места в нем, под свое представление о собственной безопасности внутренней и внешней, из чего следовал бы вывод о конъюнктурности любого права, следовательно, и признаков преступления в нем ...» [28, с. 699]. Представляется, что попытки полного отказа от признака общественной опасности деяния следует признать необоснованными по ряду оснований: во-первых, все-таки «причина» порождает «следствие», но не наоборот, а значит, наличие общественной опасности того или иного деяния должно быть обязательным условием процесса его криминализации; во-вторых, отказ от данного признака влечет потерю объективно-социального ориентира как для законодателя, так и для правоприменителя.

Общественно опасное деяние возникает как «антисоциальное поведение вместе с социально обусловленной деятельностью людей, обществом, формируется в процессе общественной практики при осознании индивидом своих интересов как противоречащих интересам общества» [29, с. 57], существует определенный период времени до его криминализации, является общественно опасным, но все-таки не преступлением. Таковым оно становится только тогда, когда отражается в уголовном законе. Кроме того, существует множество примеров общественно опасных деяний, не являющихся преступлениями, и, наоборот, преступлений, не представляющих общественной опасности. Это свидетельствует о том, что не всегда общественная опасность деяния служит достаточным основанием для его криминализации. Поэтому вполне справедливо можно предположить, что общественная опасность деяния как объективная категория хотя и предопределяет возникновение явления преступления, но сама по себе «автоматически» не определяет его существование и потому не может быть сведена к его сущности.

М.И. Ковалев, говоря о соотношении формального и материального признаков правонарушения, подчеркивает, что «соотношение общественной опасности и противоправности не может быть сведено только к отношению содержания и формы. Оно гораздо глубже, многообразнее и является, скорее, двумя равнозначными частями целого ... немаловажное значение приобретает юридическая эрудиция, опыт, мудрость и осторожность творцов закона. Огромное значение, разумеется, имеет и законодательная техника» [30, с. 55]. Преимуществом указанной точки зрения в том, что она вскрывает соотношение формального и материального признаков деяния, ведь, «если бы форма явления и сущность вещей непосредственно совпадали, то любое научное познание последнего было бы излишним» [31, с. 343].

Конструкция преступления, закрепленная в УК РФ, формально-материальна, то есть признак общественной опасности деяния сочетается с признаком противоправности. Поэтому понимание сущности преступления только в качестве общественно опасного посягательства не дает ответа на вопрос о роли признака противоправности, о необходимости его запрещения нормой закона. Но, с другой стороны, утверждение того, что «только законодатель определяет, какое из общественно опасных деяний признать преступлением» [32, с. 26], также неприемлемо.

Общественно опасное деяние и предусмотренное им уголовным законом не субстанциональны по отношению к явлению преступления, то есть оба этих признака не присущи преступлению изначально. Оба они лежат в совершенно разных сферах общественного бытия и не составляют материального единства. Деяние представляет собой разновидность человеческого поведения. Законодательное предусмотренное выражено в тексте нормативного акта. То есть преступление как таковое состоит из двух самостоятельных различных явлений: акта общественно опасного человеческого поведения и закона. Оба они существенны и необходимы. Но почему-то данные положения не принимаются во внимание при исследовании сущности преступления, последней по-прежнему продолжают считать исключительно общественную опасность деяния.

Между авторами, которые в сущностной характеристике деяния отмечают необходимость наличия обоих признаков преступления, также отсутствует единение.

По мнению А.Н. Соловьева, «объективный процесс разобщения (обособления) социального и юридического качеств деяния предопределяет «искусственный» характер преступного деяния как феномена общественного правового. При этом его рассмотрение в качестве социального или юридического факта допустимо лишь в познавательных целях (в определенном аспекте). Дифференцированно, как явление социальное (общественно опасное деяние) либо юридическое (уголовно противоправное деяние), преступление не существует. Преступное поведение познается лишь в единстве его бытия как деяния общественно опасного и пре-

дусмотренного уголовным законом» [33, с. 80]. В целом, делая верный вывод о единстве в понятии преступления формального и материального признаков, сущность преступления автор видит в «логическом тождестве» [33, с. 81] признака общественной опасности деяния и его предусмотренности уголовным законом.

Несколько иную позицию по этому поводу занял И.Я. Гонтарь, по мнению которого взаимосвязь указанных признаков заключается в логико-философской категории отношения, так как «именно она отражает способ бытия реально существующих предметов и их познания» [34, с. 40]. Отношение автор предлагает определять через уяснение характера взаимодействия между общественно опасным деянием отдельной личности и нормой уголовного закона.

«Утверждение, что совершенное неким субъектом деяние является преступлением, - пишет И.Я. Гонтарь, - сколько бы раз мы его ни повторяли, не будет истинным до тех пор, пока мы не установим, какой статьей закона оно предусмотрено, а значит, не выявим отношения соответствия между ними. Вне этого отношения преступление как явление отсутствует» [34, с. 42]. На основании чего автор делает вывод, что «сущность преступления ... составляет уже не само общественно опасное деяние, а отношение соответствия между ним и уголовно-правовой нормой» [34, с. 43]. С авторской трактовкой сущности преступления именно в таком виде можно согласиться лишь отчасти, так как она, скорее, применима к процессу квалификации конкретного общественно опасного деяния, ведь именно там устанавливается отношение между действиями субъекта и диспозицией уголовно-правовой нормы. Данная трактовка сущности преступления не отвечает на вопрос о «механизме возникновения» преступления как явления, учитывая то, что общественно опасные деяния и их криминализация хотя и взаимно обусловлены, но самостоятельные различные явления, не порождающие с неизбежностью друг друга.

В.Е. Жеребкин, рассуждая о соотношении общественной опасности деяния и противоправности как признаков преступления, отмечает, что противоправность «не принадлежит предмету действительности как таковому, не относится к его имманентным свойствам. Этим признаком деяние наделяется субъектом познания (законодателем), и он составляет основу образования множества «преступление». Ввиду отсутствия аналогии круг (множество) общественно опасных деяний становится кругом (множеством) преступлений только тогда, когда деяния, обладающие материальным признаком, наделяются и признаком формальным» [35, с. 36]. В литературе опосредованно высказывались схожие точки зрения по поводу того, что «отнесение того или иного поведения людей к разряду преступлений в определенной мере зависит от воли и сознания людей, создающих законы» [36, с. 19].

Резюмируя все вышеизложенное сквозь призму воззрений представителей науки уголовного права на сущность такого вида правонарушений, как преступление, мы констатируем, что его сущность заключается в диалектическом сочетании социального признака преступления – общественной опасности - и правового признака – противоправности. Сочетание данных признаков позволяет рассмотреть явление преступления на различных стадиях существования, следуя от его возникновения – процесса криминализации деяния, далее закрепление в конкретной уголовно-правовой норме и до его реализации – процесс правоприменения компетентными органами.

Вопрос о сущности административного правонарушения в научной литературе почти не исследовался, данная категория правонарушений анализировалась лишь опосредованно, как правило, через исследование ее законодательной дефиниции.

По нашему мнению, преступления и административные правонарушения выступают элементами единой системы деликтов, что, в свою очередь, служит основанием для системного подхода к изучению сущности этих видов правонарушений. Схожая позиция была высказана академиком В.Н. Кудрявцевым, по мнению которого «правонарушения различны по своей направленности, по вероятности наступления вредных последствий и их тяжести, по характеру вызвавших их мотивов, по целям правонарушителей и т.д. Несмотря на все эти различия, правонарушения составляют одну группу явлений в социальном и правовом отношениях, так как обладают единой сущностью и сходными юридическими признаками» [37, с. 150].

В связи с этим В.Е. Севрюгин справедливо отмечает, что «в определении административного проступка... отражены лишь формально юридические признаки, характеризующие его внешнюю правовую форму и не претендующие на раскрытие его сущности. Для этого необходима развитая теория правонарушения, и, в частности, теория административного правонарушения [38, с. 118] или деликтология [39, с. 5].

Учитывая вышеизложенные положения теории права о сущностных составляющих понятия правонарушения, мы не можем в полной мере согласиться с мнением Л.Л. Попова, что «сущность административного правонарушения определяется его общественной опасностью. Государство, закрепляя в нормах права обязательные правила поведения, предусматривает возможность применения за их нарушение государственного принуждения» [40, с. 376]. Представляется, что сущность административного правонарушения не может заключаться только в социальном признаке, так как минимизируется роль правовых предписаний и воли законодателя при разрешении вопроса о деликтации того или иного деяния.

Таким образом, положения разработанные общей теорией права применительно к сущности правонарушений вообще, в полной мере распространяются и на разработку данного вопроса относительно административных правонарушений в частности.

Принадлежность преступления и административного правонарушения к единой системе деликтов обусловлено тесной взаимосвязью данных видов правонарушений. Границы между преступлениями и административными правонарушениями очень подвижны, нередко формальны и даже условны.

Высказанная нами точка зрения на вопрос о сущности преступлений и административных правонарушений позволяет сделать следующие выводы:

1. Изучение вопроса о сущности правонарушений дает нам возможность рассматривать преступления и административные правонарушения в рамках единой системы правонарушений, сущность которых заключается в диалектическом сочетании социального признака правонарушения – общественной опасности – и правового признака – противоправности. Наличие данных признаков позволяет рассмотреть явление правонарушения на различных стадиях существования, следуя от его возникновения – процесса криминализации (деликтации) деяния, далее – закрепление в конкретной правовой норме и до его реализации – процесса правоприменения компетентными органами.

2. Сочетание в качестве сущностной составляющей правонарушений признаков общественной опасности и противоправности позволяет рассмотреть вопрос о соотношении преступлений и административных правонарушений не только с точки зрения правоприменения, исследуя смежные признаки правонарушений, но и с учетом процессов их криминализации (деликтации), анализируя правила конкуренции уголовных и административных норм, правила юридической техники, а также иные вопросы, касающиеся социальной обусловленности уголовно-правового или административно-правового запретов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль. В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. - М., 2001. - Т.4.
2. Шишов О.Ф. Преступление и административный проступок /О.Ф. Шишов. - М., 1967.
3. Философский словарь /Под. ред.: И.Т. Фролова. - М., 1991.
4. Общая теория права и государства / Под ред.: В.С. Нерсисянца. -- М., 2000.
5. Теория государства и права / Под ред.: В.М. Сырых. – М., 2006.
6. Теория государства и права / Под ред.: Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2004.
7. Самошенко И.С. Правонарушение и юридическая ответственность / И.С. Самошенко. – М., 1966.
8. Теория государства и права /Под ред.: В.К. Бабаева. – М., 2003.
9. Теория государства и права / Под ред.: В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М., 2000.
10. Общая теория государства и права / Под ред.: В.В. Лазарева. – М., 1994.
11. Проблемы теории государства и права / Под. ред.: М.Н. Марченко. – М., 2005.
12. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малейн. – М., 1985.
13. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений / В.Н. Кудрявцев. – М., 1976.
14. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность / А.А. Иванов. – М., 2004.
15. Мицкевич А.Ф. Признаки преступления и наказания. Цели и механизмы действия наказания /А.Ф. Мицкевич. - Красноярск, 2005.
16. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Состав преступления и уголовная ответственность/ М.П.Карпушин, В. И. Курляндский. - М., 1974.
17. Марцев А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления / А.И. Марцев // Правоведение. – 2001. - №4.
18. Горбуза А.Д., Сухарев Е.А. Структура преступления // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе / Отв. ред.: Ковалев М.И. - Свердловск, 1986.
19. Прохоров В.С. Преступление и ответственность/В.С. Прохоров. - М., 1984.
20. Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание / А.И. Марцев. – М., 1989.
21. Уголовное право РФ. Общая часть/ Под. ред. Р.Р. Галиакбарова. - Саратов, 1997.
22. Пионковский А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионковский. – М., 1961.
23. Современные тенденции развития социалистического уголовного права. – М., 1983.
24. Шишоф О.Ф. Преступление и административный проступок. - М., 1967.
25. Кузнецова Н.Ф. Преступление и проступок /Н.Ф. Кузнецова. - М., 1969.
26. Пояснительная записка к проекту Уголовного кодекса Российской Федерации, подготовленного Минюстом России и ГПУ при Президенте Российской Федерации. - М., 1994.
27. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. - Ижевск, 1996.
28. Козлов А.П. Понятие преступления /А.П. Козлов. - Спб., 2005.
29. Мальцев В.В. Категория «общественно опасное поведение» и ее уголовно-правовое значение // Государство и право. – 1995. – №9.
30. Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления / М.И. Ковалев. – Красноярск, 1991.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 25.
32. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М., 1996.

33. Соловьев А.Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: Дис.... канд. юрид. наук / А.Н. Соловьев. – Волгоград, 2000.
34. Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве / И.Я. Гонтарь. – Владивосток, 1997.
35. Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права / В.Е. Жеребкин. – Киев, 1976.
36. Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание / А.И. Марцев. – М., 1989.
37. Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам / В.Н. Кудрявцев. – М., 2002. – Т.1.
38. Севрюгин В.Е. Проблемы административного права / В.Е. Севрюгин. – Тюмень, 1994.
39. Гензюк Э.Е. Административная деликтология / Э.Е. Гензюк. – Ростов н/Д, 2000. – С. 29.; Денисенко В.В. Деликтология: предмет, метод и система науки: Монография / В.В. Денисенко. – Ростов н/Д, 2001.
40. Административное право / Под. ред. Л.Л. Попова. – М., 2005.

Ю.С. Летников *

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Назначение наказания по совокупности преступлений в соответствии со ст. 69 ч.5 УК РФ, то есть тогда, когда после вынесения приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу, вызывает вопросы с позиции соблюдения принципа справедливости, изложенного в ст.6 УК РФ.

Справедливость при применении ст. 69 ч. 5 УК РФ – это равенство граждан перед законом, которая выражается в равной правовой защищенности одинаковых интересов, соблюдении одинаковых масштабов и меры ответственности за преступления, осуждение за которые наступает в разное время.

Сложность заключается в том, что в данном случае уже имеется приговор суда, с назначением наказания за отдельные преступления и при постановлении второго приговора усматриваются основания назначения наказания по совокупности приговоров. Однако это лишь внешне выраженный процессуальный фактор, который не должен влиять на правильность назначения наказания по совокупности преступлений и вводить правоприменителя в заблуждение.

Фактически это та же совокупность преступлений, но их раскрытие и осуждение виновного лица состоялось в разное время. Отличие совокупности преступлений от совокупности приговоров в том, что в первом случае виновный, совершив ряд преступлений, не получил при этом оценки своих противоправных действий от имени государства посредством провозглашения приговора. При совокупности приговоров виновный совершает преступление после того, как в отношении него уже состоялся приговор, это обстоятельство свидетельствует о более высокой опасности личности и требует более строгой оценки со стороны государства. Об этом указывали в своих работах А.М. Яковлев [1], Н.А. Стручков [2]. Поэтому для разграничения совокупности преступлений от совокупности приговоров важно точно установить не время осуждения за каждое преступление, а время совершения преступления по отношению к уже вынесенному приговору.

Ч. 5 статьи 69 УК РФ указывает, что окончательное наказание по совокупности назначается по правилам поглощения, частичного или полного сложения назначенных за отдельные преступления наказаний в зависимости от категории преступления, кроме того, в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда.

Это в полной мере соответствует принципу справедливости, так как позднее раскрытие преступления и осуждение за это преступление не должно ухудшать положение виновного, а оперативность раскрытия преступлений органами следствия не должна влиять на размер наказания.

Более позднее раскрытие преступления может лишь улучшить положение виновного, так как к моменту раскрытия преступления может быть объявлена амнистия, преступление может быть исключено из уголовного кодекса, может пройти срок давности и т.д., но в любом случае ухудшение положения виновного не должно быть допущено.

Из смысла и содержания ст. 69 ч.5 УК РФ следует, что окончательный размер наказания по совокупности преступлений в том случае, когда все преступления рассматриваются судом одновременно, не должен отличаться от размера наказания и в том случае, когда осуждение за отдельные преступления состоялось позднее, уже после вынесения приговора за отдельные преступления.

Можно представить ситуацию, когда за совершение преступлений небольшой и средней тяжести виновный осужден одновременно. При этом ему назначено наказание за преступление средней тяжести в виде трех лет лишения свободы и за преступление небольшой тяжести – двух лет лишения свободы, а путем по-

* © Ю.С. Летников, 2006.